

ОПТИМИЗАЦИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ВИДОВ НАКАЗАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

© Владимир Юрьевич СТРОМОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса, проректор
по экономико-правовым вопросам и инфраструктурному развитию,
e-mail: vladimir_stromov@mail.ru

Исследуется отечественная система наказаний, которая на сегодняшний день является одной из самых представительных по своему объему и наиболее дифференцированных среди национальных уголовных законодательств. Делается вывод, что при этом данная система недостаточно оптимально реализуема и по сути своей неэффективна. Во время еще продолжающегося мирового экономического кризиса и сохраняющейся в стране безработицы предпринятые законодателем корреляции, соответственно, достаточно алогичны. Например, ряд новелл УК РФ (как принудительные работы, так и ранее арест) по-прежнему, не обеспечены как материально-технически, так и непосредственно и организационно, и могут реально из-за отсутствия в настоящее время специализированных учреждений – исправительных центров и арестных домов – стать уже традиционными для отечественного законодательства т. н. «отложенными видами наказания». Делается вывод, что это нарушает принцип равенства и влечет снижение воспитательного потенциала данного вида, декларируемого и назначаемого как альтернатива лишению свободы, тем самым дискредитирует отечественную уголовно-правовую политику.

Ключевые слова: система уголовных наказаний; виды наказания; штраф; принудительные работы; исправительные работы; эффективность реализации; иные меры уголовно-правового характера; неоптимальность форм уголовной ответственности; УК РФ; оптимальность отечественной системы наказаний; эффективность видов уголовных наказаний.

Поскольку в УК РФ был предусмотрен единственный на сегодняшний день вид дополнительного наказания («Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград»), назначаемый, если суд непосредственно сочтет, что совершение лицом тяжкого или особо тяжкого преступления делает его недостойным носить присвоенную ранее регалию, то содержательно он реализуется: во-первых, в морально-психологическом воздействии на осужденного; во-вторых, он лишается льгот и преимуществ, установленных для лиц, имеющих специальные, воинские или почетные звания, классные чины и государственные награды. Так, по мнению В.П. Мосиенко: «Его реализация в сочетании с основным наказанием гарантирует соблюдение принципа индивидуализации при выборе наказания конкретному лицу за определенное преступление. А также не только усиливает карательное воздействие наказания, но и способствует достижению его целей» [1, с. 5]. Вследствие того, что в настоящее время это наказание судами Российской Федерации, как правило, не применяется, то

именно поэтому некоторые отечественные исследователи предлагают вообще отказаться от его использования в реальной правоприменительной практике. По представлению одних ученых, «дополнительное наказание в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград следует исключить из системы наказаний. И считать его мерой уголовно-правового характера, которая сопутствует осуждению к лишению свободы за умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления» [2; 3]. Их же оппоненты делают следующий вывод: «расширение данного вида наказания не только за тяжкие и особо тяжкие преступления имело бы положительный результат» [1, с. 26]. (По мнению А.С. Михлина, например, «когда заслуженный учитель России осуждается за развратные действия в отношении своих учеников, деяние, предусмотренное ст. 135 УК РФ, является преступлением средней тяжести; но может ли этот осужденный носить почетное звание Заслуженного учителя?» [4].) На наш взгляд, необходимо предложить отечественному законодателю изложить положения ст. 48 УК РФ

в новой редакции, расширив сферу назначения данного вида наказания, соответственно предусмотрев возможность его назначения в следующих ситуациях: при осуждении за совершение как тяжкого или особо тяжкого преступления, так и средней тяжести. Большинство общественно-опасных деяний, за совершение которых возможно лишить виновного специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, относятся именно к этой категории преступлений: в сфере экономической деятельности; против правосудия [5]. По нашему мнению, данное наказание нечасто назначается судами РФ вследствие игнорирования судьями его значительных превентивных возможностей и карательного потенциала при соответствующей реализации. В свою очередь исходя из контекста сложившейся ситуации, весьма показателен и факт непосредственного отсутствия в их отчетности показателей о его назначении, когда высшая судебная инстанция страны не уделяет достаточного и столь необходимого внимания ему в принимаемых ей постановлениях пленумов Верховного суда РФ. Следовательно, именно для повышения его эффективности, оптимизации применения, в т. ч. преодоления субъективизма судей, целесообразно скорректировать позицию законодателя, внося соответствующие изменения и дополнения в УК РФ, а Верховному суду РФ необходимо обобщить имеющуюся непредставительную практику его назначения судами страны.

Поскольку отечественный законодатель Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ» № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г. из УК РФ изъял дополнительный вид наказания – конфискацию имущества, то, как нам представляется, данный алогичный шаг реально не был продуман до конца, будучи политически ангажированным. Соответственно, именно он не соответствовал цели повышения эффективности системы наказаний в целом и ее вида в отдельности, не учитывал весь имеющийся его превентивный потенциал и позитивный опыт уголовного законодательства зарубежных государств. Все это произошло даже несмотря на многочисленные и обоснованные возражения представителей научной общественности, исследовавших эффективность реализации данного вида наказания, и практиков, применявших его продолжитель-

ное время. На наш взгляд, сама суть конфискации имущества как дополнительного вида наказания состоит в максимально персонализированном усилении карательного и воспитательного эффекта основного наказания за счет воздействия на имущественные интересы осужденных лиц. Вследствие того, что абсолютно логично законодатель в ст. 52 УК РФ ограничивал возможность ее применения тяжкими и особо тяжкими преступлениями, совершенными из корыстных побуждений, то УК 1996 г. на момент принятия предусматривал ее только лишь в 43 санкциях, а именно составлявших число почти в два раза меньшее по сравнению с их количеством в статьях УК РСФСР 1960 г. За некоторые общественно-опасные деяния она непосредственно могла быть назначена в качестве обязательного наказания, а в большинстве случаев реально только лишь как факультативная дополнительная мера государственного принуждения. Вполне логично, что в современной отечественной науке уголовного права и правоприменительной практике (как в советской, так и постсоветской) именно по отношению конфискации имущества были и продолжают существовать разные позиции как ученых, так и иных лиц, применяющих данные нормы. Так, одни выступают непосредственно за ее исключение из системы наказаний УК РФ, обосновывая это следующими обстоятельствами:

«1) конфискация имущества как вид наказания противоречит общепризнанным нормам международного права, Конституции РФ, принципам гуманизма и справедливости;

2) ее существование в уголовном законодательстве нарушает право граждан на собственность;

3) ее применение направлено не столько против виновного, сколько против его семьи;

4) она существенно осложняет социальную адаптацию лиц после их освобождения из мест лишения свободы» [6–9].

В свою очередь, сторонники нахождения конфискации имущества в ст. 44 УК РФ, признавая ее одним из эффективных видов наказания, предлагают законодателю непосредственно расширить перечень составов преступлений, за совершение которых она может быть назначена [10–12]. Есть также и мнение «о целесообразности введения в УК РФ конфискации как основного вида наказания», вследствие чего законодателю необходимо: «сделать конфискацию имущества не

только дополнительным, но и основным видом наказания, предусмотрев ее в качестве санкции за совершение, прежде всего, корыстных и корыстно-насильственных преступлений» [13–16]. Причем ее можно применять за все категории преступлений, независимо от степени их тяжести (естественно, за исключением насильственных деликтов) реально [16, с. 18]. Исследователи констатируют и «отсутствие объективных предпосылок как для исключения конфискации имущества из системы наказаний, так и для значительного законодательного расширения ее использования», что, по нашему представлению, наиболее реалистично [17, с. 163; 18].

На наш взгляд, в отношении необходимости восстановления конфискации имущества в ныне действующей системе наказаний целесообразно проанализировать некоторые обстоятельства реальной действительности. В УК РФ пока еще не нашла достаточного отражения наглядно проявляющаяся тенденция международной уголовной политики, заключающаяся в ужесточении ответственности за организованную преступность, террористические акты, коррупцию и тяжкие преступления против личности, как наиболее последовательно реализуемый законодателем сегмент национальной уголовной политики. По нашему мнению, именно эта ситуация вполне логично привела непосредственно к корреляции видов наказаний за их совершение в сторону более строгих мер, что также соответствующим образом, по представлению ряда исследователей, «выражается в увеличении числа тюремного населения в развитых странах мира, достигшего масштабов ГУЛАГа западного образца» [19]. Поскольку и систематический рост количества международных конвенций, направленных на координацию усилий государств-членов в противодействии преступности, которые являются одной из концептуальных первооснов в реформировании УК РФ, то необходимо проанализировать некоторые несоответствия содержания УК РФ нормам международного уголовного права, предусматривающим усиление ответственности за наиболее опасные категории общественно-опасных деяний. Так, согласно положениям ст. 17 Всеобщей декларации прав человека, закреплена общеправовая парадигма: «Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества», что подтверждается и конституционными нормами национального зако-

нодательства РФ. Вследствие того, что она применяется только к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и лишь на основании решения суда, вступившего в законную силу, то все доводы, что в процессе ее применения изымается в основном имущество, нажитое осужденным в процессе трудовой деятельности, а не средства, добытые преступным путем, вряд ли обоснованы. Прежде всего, в соответствии с положениями УК РФ она устанавливается только за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений. Соответственно, именно ей подлежат только материальные ценности, приобретенные лишь преступным путем, а не за время правомерной работы виновного лица и одновременно она распространяется на «имущество, являющееся собственностью осужденного». На основании ее внутреннего содержания, безусловно, фактически же осуществление непосредственно может также вполне реально отразиться и на материально-финансовых интересах семьи осужденного, что вряд ли является полностью негативным обстоятельством реализации. Применяя ее, необходимо всегда помнить о следующих обстоятельствах:

- 1) она назначается за совершение тяжкого и особо тяжкого преступления;
- 2) имеется перечень имущества, не подлежащего ей;
- 3) наиболее часто на практике реализуется не полная, а частичная форма, позволяющая не лишать полностью всех имеющих средств к существованию семьи осужденного.

На наш взгляд, следующим основным обстоятельством, подтверждающим целесообразность ее наличия в УК, выступает постоянный рост корыстной и корыстно-насильственной преступности, происходящий в настоящее время в РФ, т. к. именно данный вид наказания направлен на борьбу, прежде всего, с такими общественно опасными деяниями, дестабилизирующими ситуацию. Так, В.А. Пимоновым констатируется: «Именно ее удельный вес стабилен, составляя от 70 до 80 %, соответственно» [18]. (По данным В.А. Пимонова, 80 % судей в предложенной им анкете на вопрос: «Какова, на Ваш взгляд, роль конфискации имущества как дополнительного наказания в процессе уголовно-правового воздействия?» – ответили, что роль этой меры заключается в предупреждении преступлений.) Так, исходя из офици-

альных статистических данных «до половины всех зарегистрированных составов преступлений составляют хищения чужого имущества, совершенные путем грабежа, прирост которых в 2002 г. был по сравнению с 2001 г. 12 %, а в 2003 г. по сравнению с 2002 г., соответственно, 8,9 %; разбоя, прирост которого в 2002 г. был 5,0 % по сравнению с 2001 г., а в 2003 г., соответственно, 0,8 % по сравнению с 2002 отчетным годом». По нашему мнению, ее сверхзадача, именно как меры государственного принуждения, заключалась в усилении карательно-воспитательного воздействия на осужденного основного вида наказания за счет затрагивания его имущественных интересов, что всегда являлось наиболее персонафицировано эффективной разновидностью. Примером именно такого несоответствия отечественного уголовного законодательства базовым международно-правовым документам явилось принятие Федерального закона РФ № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г., алогично изъявшего данный вид из системы наказаний. Поскольку положения п. 8 «Руководящие принципы ООН для предупреждения организованной преступности и борьбы с ней» 1990 г., разработанные на Конгрессе ООН в Гаване, отнесли практику конфискации доходов от преступной деятельности к наиболее важным нововведениям, то проблемы реализации логично были отражены в европейской Конвенции «Об уголовной ответственности за коррупцию» 1999 г., принятой в Страсбурге. До факта ее исключения из видов наказаний она была предусмотрена еще целым рядом международных правовых актов, в т. ч. и теми, что уже подписывались или ратифицировались РФ, включая следующие из них:

- международную Конвенцию «О борьбе с финансированием терроризма» 1999 г.;
- международную Конвенцию «Против транснациональной организованной преступности» 2000 г.;
- международную Конвенцию «Против коррупции» 2003 г.

Соответственно, международно-правовых актов, включавших в качестве меры уголовно-правового воздействия конфискацию доходов и имущества, полученных преступным путем. В свою очередь, на наш взгляд, ее последующая отмена не соответствовала ни международным обязательствам РФ, ни национальным традициям отечественного уголовно-правового регулирования, согласно

которым она успешно применялась в государстве по отношению к мздоимцам и казнокрадам на протяжении более пятисот лет, обеспечивая максимально эффективную и необходимо справедливую реализацию уголовной ответственности. Вследствие того, что начиная с середины XV в. и вплоть до 2003 г. конфискация как вид наказания реализовывалась довольно часто и достаточно эффективно, то при назначении наказания за такие тяжкие и особо тяжкие преступления, как убийство, хищения, незаконная банковская деятельность, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления, контрабанда, фальшивомонетничество, дача и получение взятки, и другие составы общественно-опасных деяний. Она была важным и достаточно эффективным уголовно-правовым инструментом в борьбе с организованной преступностью, с коррупцией, с экономическими преступлениями в реальной советской и постсоветской действительности. По мнению П.А. Скобликова, «последовательное и полное изъятие дохода от преступной и иной противоправной деятельности не только восполняет причиненный ею материальный урон и ценно для общества само по себе, но и лишает смысла продолжение противоправной деятельности даже при отсутствии уголовной репрессии (или ее угрозы) в виде лишения свободы. То есть имеет серьезный предупредительный эффект. Ибо, в конечном итоге, поставленная преступниками цель – обогащение, материальное и иное преуспевание – оказывается недостижимой. Кроме того, изъятие

материальных средств у преступников сужает их возможности по совершению новых преступлений и защите от разоблачения» [20]. Как нам представляется, обоснованием непосредственно для ее восстановления в УК РФ реальна была последовательная позиция большинства представителей судейского корпуса Российской Федерации, высоко оценивавших потенциал именно этого вида наказания, его эффективность [12; 18]. (В ходе опроса, проведенного А.В. Степанищевым, за сохранение конфискации имущества в уголовном законодательстве высказалось 98 % практических работников.)

На наш взгляд, в настоящее время нет оснований как для ее введения в УК РФ в

качестве основного вида наказания, так и для назначения абсолютно за все категории преступлений вообще. Так, прежде всего, это строгий вид наказания, применение которого законодатель в ст. 52 УК РФ ограничивал только реально тяжкими и особо тяжкими общественно опасными деяниями лишь корыстной направленности. Соответственно, само же его значение заключается в оптимальном усилении карательно-воспитательного воздействия на осужденного основного вида наказания в виде лишения свободы через максимально персонифицированные имущественные интересы осужденного. Следовательно, исходя из своего внутреннего содержания и по сути, он имеет дополнительный характер, и поэтому нет никакой необходимости для законодателя переводить его в разряд основных видов. И, наконец, ныне существующая система основных наказаний уже включает в себя такое максимально эффективное имущественное наказание, как штраф, являющийся во многом реальной альтернативой конфискации имущества именно в этом сегменте государственного принуждения и оптимальной реализации уголовной ответственности. В отечественной науке и современной правоприменительной практике различают общую конфискацию имущества, выступающую в качестве вида уголовного наказания, и специальную ее форму, непосредственно заключающуюся в изъятии орудий, средств совершения преступлений, предметов, добытых преступным путем при совершении общественно-опасных деяний. Поскольку имеющиеся позиции отечественных ученых по поводу специальной конфискации существенным образом различаются, то одни авторы инициируют ее «признание видом наказания и предлагают ввести в систему наказаний» [7, с. 155; 9; 21–24]. Другие исследователи выступают против этого, что наиболее правильно, т. к. по вполне логичному утверждению А.Л. Цветиновича «специальная конфискация является превентивной мерой, не выполняющей основных функций наказания» [25]. По нашему мнению, наряду с этим достаточно проблематично определить ее предмет [7, с. 157; 17, с. 171]. Так, И.И. Голубов определяет специальную конфискацию как «конфискацию только «средств преступления». В свою очередь, В.К. Дуюнов – как «конфискацию имущества, ценных бумаг и денег, приобретенных преступным путем, а также орудий и

средств совершения преступления». Как нам представляется, И.И. Голубов слишком сужает предмет специальной конфискации, а В.К. Дуюнов, напротив, излишне расширяет ее предмет, что вместе само по себе не способствует ее реализации. Гипотетически специальную конфискацию можно было бы предусмотреть законодательством, в т. ч. и уголовным, сформулировав для этого конкретную статью УК РФ, но нет никаких оснований реально считать ее одним из дополнительных видов наказания и включать в систему наказаний (ст. 44 УК РФ). Как вполне логично и достаточно обоснованно констатировал Х.И. Гаджиев, «указанные предметы, так или иначе, подлежат изъятию в порядке, предусмотренном УПК, без каких-либо исключений. И поэтому признание специальной конфискации наказанием было бы необоснованно» [26].

На наш взгляд, социально-политическая значимость отмены конфискации имущества как вида наказания непосредственно состояла в уголовно-правовой амнистии капиталов, наживавшихся противоправным путем в основном во время приватизации собственности в постсоветский период. Именно это обстоятельство и привело к невозможности возврата всего похищенного имущества, т. к. вступила в силу конституционная норма об обратной силе закона, приоритетная при реализации норм национального законодательства. Согласно положениям ч. 2 ст. 54 Конституции РФ, «если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон», когда к лицам, виновным в тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных ими до 11 декабря 2003 г., если к ответственности они привлекались после этой даты, конфискация имущества применена быть не могла. Исправить данную ситуацию практически стало никак невозможным, т. к. в соответствии с ч. 1 ст. 54 Конституции РФ действует запрет обратной силы закона, который и устанавливает или отягчает ответственность, заблокировавший даже в случае восстановления этого вида наказания, его распространение и на преступления, совершенные до вступления нового закона в силу. В свою очередь, Президент РФ 8 декабря 2003 г. подписал Федеральный закон РФ «О внесении изменений и дополнений в УК РФ», отменивший ее. Несмотря на это, 9 декабря 2003 г. Российская Федерация подписала

также и Конвенцию ООН «Против коррупции», обязывавшую в положениях ч. 1 ст. 31 данного акта: «Каждое государство-участника принимать, «в максимальной степени, возможной в рамках его внутренней правовой системы, такие меры, которые могут потребоваться для обеспечения возможности конфискации: а) доходов от преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей конвенцией или имущества, стоимость которого соответствует стоимости таких доходов; б) имущества, оборудования и других средств, использовавшихся или предназначенных для использования при совершении преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей конвенцией». Вследствие того, что можно констатировать непосредственную несогласованность внутренней и внешней уголовной политики РФ, в итоге приведшей к несоблюдению национальных интересов в сфере борьбы с преступностью, то, по нашему мнению, законодателю необходимо вновь ввести ее в систему наказаний в качестве дополнительного вида. Именно ее следует предусмотреть за совершение тяжких или особо тяжких преступлений корыстной направленности, т. к. основное назначение состоит в усилении карательно-воспитательного воздействия на осужденного лишения свободы путем затрагивания его имущественных интересов.

На наш взгляд, национальный уголовный закон алогично лишился очень действенного уголовно-правового инструмента, обладающего большим карательно-воспитательным потенциалом. Соответственно, 27 июля 2006 г. ФЗ № 153-ФЗ отечественный законодатель изменил наименование раздела VI УК РФ «Принудительные меры медицинского характера» на «Иные меры уголовно-правового характера». Реально он дополнил его гл. 15.1 «Конфискация имущества», включающую в себя три новые статьи (ст. 104-1–104-3), определяющих ее понятие и порядок. Именно эти новеллы УК РФ и поставили перед отечественными теоретиками и практиками целый ряд проблем, некоторые из которых мы обозначили в данном исследовании, предложив наиболее оптимальные пути их решения в дальнейшем. Прежде всего, переименовав раздел VI УК РФ, законодатель непосредственно попытался обозначить круг государственных мер, которые имеют уголовно-пра-

вовой характер, в целом относя к ним следующие сегменты:

1) принудительные меры воспитательного характера к несовершеннолетним (ст. 90, 91 УК РФ);

2) принудительные меры медицинского характера (Гл. 15 УК РФ);

3) конфискацию имущества (гл. 15-1 УК РФ).

Как нам представляется, именно само уже месторасположение указанных норм в структуре уголовного закона и новое их название создают известное противоречие, вследствие которого без обозначения «основных» мер ни в формате раздела, ни главы УК РФ в него законодателем был введен целый уголовно-правовой институт «Иные меры уголовно-правового характера». Поскольку именно эта дислокация норм о конфискации имущества достаточно логична, т. к. законодатель констатирует ее невозвращение в УК РФ в прежнем статусе дополнительного вида наказания и непосредственно подчеркивает иное качество данной меры, то сама проблема ее правовой природы теоретиками уголовного права реально еще будет продолжаться обсуждаться в дальнейшем. Так, согласно позиции А.И. Чучаева, «в правоприменительном контексте она мало чем отличается от наказания, так как «сущность конфискации фактически не изменилась» [27]. В соответствии же с выводом Ю.В. Голика, «любой вид наказания, обладая карательным потенциалом, является карой за содеянное деяние. Единственной задачей иной меры уголовно-правового характера выступает предотвращение возможности совершения нового преступления лицом, к которому она применяется. При отсутствии всякой карательной или воспитательной нагрузки» [28]. На наш взгляд, положения части 1 ст. 104-1 УК РФ определяют конфискацию имущества как «Принудительное безвозмездное обращение по решению суда в собственность государства имущества осужденного», в отличие от ранее действовавших положений ст. 52 УК РФ. Соответственно признававшей ею «принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного». Именно у этой меры уголовно-правового характера остались следующие признаки уголовного наказания:

1) по своей сути является мерой государственного принуждения;

2) назначается решением суда, которое следует понимать не как судебный акт, а как его вывод о применении данной меры;

3) применяется только к лицу, признанному виновным в совершении преступления;

4) по своей карательной сущности фактически есть лишение и (или) ограничение осужденного его имущественных прав.

Вследствие того, что конфискация имущества продолжает выполнять те же цели, что и любое наказание на основании положений ч. 2 ст. 43 УК РФ, то при этом восстановление социальной справедливости, исходя из ее применения, достигается не абстрактно, а вполне реально. Поскольку именно своей целенаправленностью, способностью нормализовать нарушенные преступлением общественные отношения она, безусловно, выделяется среди иных мер уголовно-правового характера, то, согласно этому обстоятельству, она на практике будет реализовываться как дополнительный вид наказания в реальной действительности. По нашему мнению, имеются также и другие существенные различия между ней в качестве вида наказания в прежней редакции УК РФ и конфискацией как мерой уголовно-правового характера в ныне действующем уголовном законе. Как нам представляется, прежде всего это касается возможностей ее применения на практике, в т. ч. априори эффективности реализации. Фактически, если же раньше на основании принципа законности она как любой вид наказания могла быть реализована только лишь в случае установления в санкции статьи Особенной части УК РФ, то в настоящее время дело обстоит совсем иначе, чем прежде. Соответственно, именно сейчас не санкции, а специальная норма предусматривает случаи ее применения на практике. Следовательно, до вступления в силу Федерального закона РФ от 8 декабря 2003 г. она назначалась по усмотрению суда, когда его решение должно было быть обусловлено совокупностью доказательств о криминальном происхождении имущества субъекта совершенного общественно-опасного деяния. Таким образом, в настоящее время при доказанности всех обстоятельств, зафиксированных в положениях ч. 1 ст. 104-1 УК РФ, суд не имеет никакого права не применять конфискацию имущества в отношении осужденного лица. На наш взгляд, именно поэтому на сегодняшний день уже нельзя однозначно констатировать, что непосредственно ее на-

значение носит диспозитивный характер. Для решения этой проблемы высшей судебной инстанции страны – Пленуму Верховного суда РФ целесообразно принять соответствующее постановление, унифицировав правоприменительную практику, тем самым преодолеть субъективизм судей.

Предметом конфискации ранее было имущество, являющееся собственностью осужденного, в т. ч. и добросовестно приобретенной, а сейчас по УК РФ принудительно безвозмездно обращается по решению суда в собственность государства часть материальных ценностей, обозначенных в четырех группах перечней, исходя, из положений п. «а», «б», «в», «г» ч. 1 ст. 104-1. Следовательно, если раньше могла применяться полная конфискация, то в настоящее время ей подлежит только часть имущества, полученного в результате преступных действий, а прежний вариант возможен лишь гипотетически, по факту установления криминального происхождения всего его объема реально конфискуемого. В свою очередь, по нашему мнению, именно этот алогичный подход отечественного законодателя приведет к определенным трудностям на практике, т. к. был расширен предмет доказывания в соответствии с положениями п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ в редакции Федерального закона РФ № 153-ФЗ от 27 июля 2006 г.

Поскольку в нынешнем ее виде конфискация имущества может применяться в случае признания лица виновным в совершении актов бандитизма (ст. 209 УК РФ), пиратства (ст. 227 УК РФ) и т. д., т. е. реально всего же законодателем было перечислено 45 статей и чуть большее количество составов преступлений. В свою очередь, как нам представляется, при этом она алогично не назначается за преступления, составляющие самый представительный сегмент по количеству, характеру и степени потенциальной общественной опасности в структуре отечественной преступности (например, кража, мошенничество, присвоение или растрата, грабеж, разбой, вымогательство), что подтверждает поспешность и непродуманность разработчиков проекта. На наш взгляд, именно данная позиция законодателя не вполне обоснованно аргументируется наиболее часто тем, что похищенное имущество всегда должно возвращаться собственнику, а поэтому за хищения она не нужна вообще. Нам необходимо констатировать, что согласно положениям п. 4 ч.

3 ст. 81 УПК РФ «деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества подлежат возвращению законному владельцу», фактически, будучи вполне логичным действием, непосредственно за исключением тех ситуаций, когда похититель реально похитит уже похищенное. По нашему мнению, при этом возвращение похищенного имущества законному владельцу никакого отношения к ней не имеет, т. к. именно здесь реализуется совсем другой правовой институт – «Возмещение причиненного ущерба потерпевшему». Таким образом, вполне оправданно в структуре УК РФ появилась ст. 104.3, которая так и называется в реальности. Вследствие того, что конфискация в соответствии с положениями части 1 ст. 104.1 УК РФ есть «принудительное безвозмездное обращение по решению суда в собственность государства... имущества», то вполне логично возникают также вопросы, производные от ситуаций, когда собственник в ходе расследования не был установлен, а похищенное имущество может быть возвращено похитившим его.

Как нам представляется, юридическая природа конфискации имущества непосредственно как меры уголовно-правового характера определяется совокупностью следующих двух обстоятельств:

1) основанием ее применения является признание лица виновным в совершении конкретного состава преступления, что однородно наказанию;

2) установлением наличия у виновного лица имущества, полученного в результате преступных действий, отражающего ее специфические особенности.

Поскольку восстановленная законодателем в новом качестве конфискация имущества имеет как своих сторонников, так и противников, а обсуждения в основном сводятся к дискуссиям о ее сути и содержании, то позитивным моментом включения в УК РФ гл. 15.1 является международный и национальный аспекты соответствия при реализации. На наш взгляд, прежде всего, для исполнения ратифицированной Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма РФ приводит свое национальное законодательство в соответствии с конвенционными положениями, изначально позиционируя себя как договорившуюся сторону, добросовестно исполняющую международное согла-

шение в полном объеме. Нам необходимо констатировать, что в УК РФ законодатель вполне логично и оптимально сконструировал производную от конфискации имущества меру, связанную с возмещением причиненного ущерба (ст. 104.3), которое осуществляется за счет лица, признанного судом виновным в совершении определенного состава общественно-опасного деяния. По нашему мнению, именно до этого времени советское и постсоветское государство безуспешно пыталось разрешать данную актуальную проблему самостоятельно согласно положениям ч. 3 ст. 30 Закона РСФСР 1990 г. «О собственности», столкнувшись в правоприменительной практике с непреодолимыми трудностями, не позволившими эффективно реализовать свои намерения в полном и необходимом объеме.

Следующий вопрос непосредственно связан с характером того вреда, который реально возмещается за счет средств конфискованного у осужденного лица имущества при соответствующей оценке его стоимости. На наш взгляд, если в положениях п. «а» ч. 1 ст. 104-1 и ст. 104-3 УК РФ сказано об ущербе, причиненном законному владельцу, это означает имущественный вред потерпевшему. Нам необходимо констатировать, что во всяком преступлении вред может иметь различный характер, однако в таких общественно опасных деяниях, как, например, убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, похищение человека, он носит, прежде всего, физический характер. Вследствие того, что именно данный вред непосредственно возмещается в порядке гражданского иска в соответствии со ст. 44 УПК РФ, то тем самым в этой части принципиально ничего не меняя для потерпевших от этих общественно опасных деяний. По нашему мнению, совсем же отличная ситуация возникает с компенсацией морального, физического, материального вреда, причиненного потерпевшему в результате совершения преступления. В свою очередь, в современной теории уголовного права обсуждается целесообразность «включения в имеющуюся систему наказаний такого вида, как возмещение потерпевшему вреда, причиненного преступлением» [29–33]. Это требование зафиксировано в положениях Декларации «Основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью», утвержденной резолюцией Генеральной Ас-

самблеи ООН от 29 ноября 1985 г. № 40/34. Фигуры собственника, или законного владельца, и потерпевшего от преступления далеко не всегда совпадают в ситуации, когда в результате совершения преступления против личности (например, покушение на убийство общеопасным способом) физический вред причиняется потерпевшему. А имущественный – другим лицам, которым данный ущерб, в соответствии с прямым указанием закона должен быть возмещен в первую очередь за счет средств конфискованных материальных ценностей. На наш взгляд, потерпевший от преступления компенсируется за физический вред в порядке, установленном УПК и ГПК РФ. Так, конституционное положение о государственном обеспечении этого, согласно ст. 52 Конституции РФ, не имеет в действительности полной реализации.

Законодатель в ч. 4 ст. 16 ФЗ № 153-ФЗ устанавливает: «Положения ст. 104.1 Уголовного кодекса РФ, касающиеся конфискации доходов от использования имущества, полученного в результате совершения преступления, применяются к правоотношениям, возникшим после 1 января 2007 г.». Как нам представляется, законодатель вполне намеренно предоставил этот временной промежуток для легализации (например, переоформления, перепродажи, дарения) всего того, что было получено незаконным путем. На наш взгляд, следующим негативным моментом именно данной новеллы законодателя является ничем не обоснованное расширение судебного усмотрения, т. к. конфискация имущества в настоящее время не входит в санкцию той или иной нормы, устанавливающей уголовно-правовой запрет, и ее применение не носит императивного характера при реализации. Наряду с этим, в соответствии с положениями ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискация имущества происходит по решению суда, что переводит практическую ее реализацию в рамки уголовного процесса, регламентируемого УПК РФ. Поскольку, исходя из данной ситуации, решение предполагает вынесение приговора и соответственное толкование, то все это создает реальное препятствие ее эффективной реализации, требуя непосредственно скорейшего законодательного разрешения проблемы оптимизации норм УК РФ и УПК РФ в реальной действительности РФ.

1. Мосиенко В.П. Порядок назначения и исполнения наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград и пути его совершенствования. Ростов н/Д, 2000.
2. Сакаев А.И. Система наказаний по уголовному праву России (История и современность): автореф. дис. ... канд. юр. наук. Казань, 1999.
3. Коновалова С.И. Система наказаний в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ростов н/Д, 1999.
4. Михлин А.С. Понятие наказания в виде лишения специального звания, классного чина и государственных наград и его исполнение // Российский следователь. 2001. № 3.
5. Шупленков В.П. Лишение воинских и других званий, а также орденов, медалей и почетных званий // Наказания, не связанные с лишением свободы. М., 1972. С. 86-87.
6. Иванов В.Я. Должна ли сохраняться конфискация имущества как вид уголовного наказания? // Советское государство и право. 1958. № 9. С. 100-101.
7. Голубов И.И. Конфискация имущества как вид уголовного наказания: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1999.
8. Кузнецов А.П. Конфискация имущества как кумулятивный вид наказания в уголовном законодательстве // Уголовное право. 1999. № 2.
9. Чернов А.Д. Основные направления развития видов наказания, не связанных с лишением свободы, на современном этапе // Российский следователь. 1999. № 3.
10. Милоков С.Ф. Российская система наказаний. СПб., 1998.
11. Дзигарь А.Л. Уголовные наказания: эволюция и перспективы: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ростов н/Д, 2001.
12. Степанищев А.В. Проблемы правового регулирования применения конфискации имущества: автореф. ... дис. канд. юр. наук. М., 2000.
13. Марогулова И.Л. Конфискация имущества как мера наказания по советскому уголовному законодательству: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1979.
14. Михлин А.С. Имущественные наказания – альтернатива лишению свободы за менее опасные преступления // Советское государство и право. 1981. № 6. С. 96-97.
15. Бриллиантов А.П. Проблемы совершенствования уголовного законодательства о конфискации имущества // Проблемы применения наказаний, не связанных с лишением свободы: сборник научных трудов. М., 1988.
16. Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М., 2002.

17. *Дуюнов В.К.* Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск, 2000.
  18. *Пимонов В.А.* Конфискация имущества как уголовное наказание // Государство и право. 2002. № 7.
  19. *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к Гулагу западного образца? М., 1999.
  20. *Скобликов П.А.* Конфискация имущества как наказание: доводы за и против // Уголовное право. 2004. № 2.
  21. *Наумов А.В.* «Камни преткновения» уголовного наказания // Российская юстиция. 2002. № 9.
  22. *Дворецкий М.Ю.* Иные меры уголовно-правового характера в системе видов уголовной ответственности: оценка состояния и эффективности // Законодательство в борьбе с преступностью: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 27 марта 2009 г. / отв. ред. О.С. Капинус. М., 2010. С. 30-35.
  23. *Дворецкий М.Ю.* Уголовная ответственность: реализация и эффективность // Материалы 7 Международной научно-практической конференции 28–29 января 2010 г. / отв. ред. А.И. Парог. М., 2010. С. 16-19.
  24. *Дворецкий М.Ю.* Эффективная реализация уголовной ответственности и процессы глобализации // Материалы 5 Российского конгресса уголовного права. 27–28 мая 2010 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2010. С. 651-655.
  25. *Цветинович А.Л.* Дополнительные наказания: функции, система, виды. Куйбышев, 1989.
  26. *Гаджиев Х.* Имущественные наказания в системе мер уголовно-правового воздействия // Советская юстиция. 1988. № 16.
  27. *Чучаев А.И.* Конфискация возвращается в Уголовный кодекс, но в другом качестве // Законность. 2006. № 9.
  28. *Голик Ю.В.* Конфискация вернулась. Конфискации не будет // Липецкая газета. 2007. № 1.
  29. *Анощенкова С.В.* Уголовно-правовое учение о потерпевшем. М., 2006.
  30. *Кривенков О., Суслин А.* Наказание и возмещение вреда: проблема приоритета // Уголовное право. 2006. № 4. С. 27-29.
  31. *Дворецкий М.Ю.* Предложения по оптимизации отдельных видов уголовной ответственности в контексте повышения их эффективности // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2010. Вып. 11 (91). С. 280-282.
  32. *Дворецкий М.Ю.* Эффективная реализация уголовной ответственности // Вестник Воронежского университета МВД России. Воронеж, 2011. № 1. С. 52-58.
  33. *Дворецкий М.Ю.* Эффективная реализация уголовной ответственности: проблемы уголовно-правовой теории и правоприменительной практики // Уголовная политика и проблемы правоприменения: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции 1 ноября 2013 г. / сост. Е.Н. Рахманова. СПб., 2013. С. 58-61.
-
1. *Mosienko V.P.* Poryadok naznacheniya i ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya spetsial'nogo, voinskogo ili pochetnogo zvaniya, klassnogo china i gosudarstvennykh nagrad i puti ego sovershenstvovaniya. Rostov n/D, 2000.
  2. *Sakaev A.I.* Sistema nakazaniy po ugovnomu pravu Rossii (Istoriya i sovremennost'): avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. Kazan', 1999.
  3. *Konovalova S.I.* Sistema nakazaniy v rossiyskom ugovnom prave: avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. Rostov n/D, 1999.
  4. *Mikhlin A.S.* Ponyatie nakazaniya v vide lisheniya spetsial'nogo zvaniya, klassnogo china i gosudarstvennykh nagrad i ego ispolnenie // Rossiyskiy sledovatel'. 2001. № 3.
  5. *Shuplenkov V.P.* Lishenie voinskikh i drugikh zvaniy, a takzhe ordenov, medaley i pochetnykh zvaniy // Nakazaniya, ne svyazannye s lisheniem svobody. M., 1972. S. 86-87.
  6. *Ivanov V.Ya.* Dolzhna li sokhranyat'sya konfiskatsiya imushchestva kak vid ugovnogo naka-zaniya? // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1958. № 9. S. 100-101.
  7. *Golubov I.I.* Konfiskatsiya imushchestva kak vid ugovnogo nakazaniya: avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. M., 1999.
  8. *Kuznetsov A.P.* Konfiskatsiya imushchestva kak kumulyativnyy vid nakazaniya v ugovnom zakonodatel'stve // Ugovnoe pravo. 1999. № 2.
  9. *Chernov A.D.* Osnovnye napravleniya razvitiya vidov nakazaniya, ne svyazannykh s lisheniem svobody, na sovremennom etape // Rossiyskiy sledovatel'. 1999. № 3.
  10. *Milyukov S.F.* Rossiyskaya sistema nakazaniy. SPb., 1998.
  11. *Dzigar' A.L.* Ugovnyye nakazaniya: evolyutsiya i perspektivy: avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. Rostov n/D, 2001.
  12. *Stepanishchev A.V.* Problemy pravovogo regulirovaniya primeneniya konfiskatsii imushchestva: avtoref. ... dis. kand. jur. nauk. M., 2000.
  13. *Marogulova I.L.* Konfiskatsiya imushchestva kak mera nakazaniya po sovetskomu ugovnomu zakonodatel'stvu: avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. M., 1979.
  14. *Mikhlin A.S.* Imushchestvennye nakazaniya – al'ternativa lisheniyu svobody za menee opasnye prestupleniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1981. № 6. S. 96-97.

15. *Brilliantov A.P.* Problemy sovershenstvovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva o konfiskatsii imushchestva // Problemy primeneniya nakazaniy, ne svyazannykh s lisheniem svobody: sbornik nauchnykh trudov. M., 1988.
16. *Zubkova V.I.* Ugolovnoe nakazanie i ego sotsial'naya rol': teoriya i praktika. M., 2002.
17. *Duyunov V.K.* Problemy ugolovnogo nakazaniya v teorii, zakonodatel'stve i sudebnoy praktike. Kursk, 2000.
18. *Pimonov V.A.* Konfiskatsiya imushchestva kak ugolovnoe nakazanie // Gosudarstvo i pravo. 2002. № 7.
19. *Kristi N.* Bor'ba s prestupnost'yu kak industriya. Vpered k Gulagu zapadnogo obraztsa? M., 1999.
20. *Skoblikov P. A.* Konfiskatsiya imushchestva kak nakazanie: dovody za i protiv // Ugolovnoe pravo. 2004. № 2.
21. *Naumov A.V.* "Kamni pretkoveniya" ugolovnogo nakazaniya // Rossiyskaya yustitsiya. 2002. № 9..
22. *Dvoretzkiy M.Yu.* Inye mery ugolovno-pravovogo kharaktera v sisteme vidov ugolovnoy otvetstvennosti: otsenka sostoyaniya i effektivnosti // Zakonodatel'stvo v bor'be s prestupnost'yu: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 27 marta 2009 g. / otv. red. O.S. Kapinus. M., 2010. S. 30-35.
23. *Dvoretzkiy M.Yu.* Ugolovnaya otvetstvennost': realizatsiya i effektivnost' // Materialy 7 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 28–29 yanvarya 2010 g. / otv. red. A.I. Rarog. M., 2010. S. 16-19.
24. *Dvoretzkiy M.Yu.* Effektivnaya realizatsiya ugolovnoy otvetstvennosti i protsessy globalizatsii // Materialy 5 Rossiyskogo kongressa ugolovnogo prava. 27–28 maya 2010 g. / otv. red. V.S. Komissarov. M., 2010. S. 651-655.
25. *Tsvetinovich A.L.* Dopolnitel'nye nakazaniya: funktsii, sistema, vidy. Kuybyshev, 1989.
26. *Gadzhiev Kh.* Imushchestvennye nakazaniya v sisteme mer ugolovno-pravovogo vozdeystviya // Sovetskaya yustitsiya. 1988. № 16.
27. *Chuchaev A.I.* Konfiskatsiya vozvrashchaetsya v Ugolovnyy kodeks, no v drugom kachestve // Zakonnost'. 2006. № 9.
28. *Golik Yu.V.* Konfiskatsiya vernulas'. Konfiskatsii ne budet // Lipetskaya gazeta. 2007. № 1.
29. *Anoshchenkova S.V.* Ugolovno-pravovoe uchenie o poterpevshe. M., 2006.
30. *Krivenkov O., Suslin A.* Nakazanie i vozmeshchenie vreda: problema prioriteta // Ugolovnoe pravo. 2006. № 4. S. 27-29.
31. *Dvoretzkiy M.Yu.* Predlozheniya po optimizatsii otdel'nykh vidov ugolovnoy otvetstvennosti v kontekste povysheniya ikh effektivnosti // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2010. Vyp. 11 (91). S. 280-282.
32. *Dvoretzkiy M.Yu.* Effektivnaya realizatsiya ugolovnoy otvetstvennosti // Vestnik Voronezhskogo universiteta MVD Rossii. Voronezh, 2011. № 1. S. 52-58.
33. *Dvoretzkiy M.Yu.* Effektivnaya realizatsiya ugolovnoy otvetstvennosti: problemy ugolovno-pravovoy teorii i pravoprimeritel'noy praktiki // Ugolovnaya politika i problemy pravoprimereniya: sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 1 noyabrya 2013 g. / sost. E.N. Rakhmanova. SPb., 2013. S. 58-61.

Поступила в редакцию 4.06.2014 г.

UDC 343.8

OPTIMIZATION OF IMPLEMENTATION OF PUNISHMENT TYPES: PROBLEMS OF CRIMINAL LAW THEORY AND PRACTICE

Vladimir Yuryevich STROMOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor of Criminal Law and Process Department, Vice Rector for Economical and Law Questions and Infrastructural Development, e-mail: vladimir_stromov@mail.ru

The domestic system of punishment, which today is one of the most impressive in its scope and the most differentiated among national criminal laws, is considered. It is concluded that while the system is suboptimal realizable it is inherently inefficient. During the still ongoing global economic crisis and persistent unemployment in the country made by the legislator correlation are enough illogical. For example, a series of novels of the Criminal Code (as forced labor, as well as earlier arrest) is still, in fact, is not provided as the logistical, organizational and so directly, and can really due to the current lack of specialized agencies – correctional centers and detention homes become already traditional for the domestic legislation so-called “deferred kinds of punishments”. It is concluded that it violates the principle of equality and involves decreasing the educational potential of the species, declared and appointed as an alternative to imprisonment, thereby discrediting the domestic criminal law policy.

Key words: system of criminal penalties; penalties; fine; forced labor; correctional labor; effectiveness of implementation; other measures of criminal law; non-optimality of forms of criminal liability; Criminal Code of Russian Federation; optimality of national system of punishment; effectiveness of criminal punishments.